

Вдовенко Т. А.,
 Измайльський державний гуманітарний університет

МНОГОМЕРНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Статтю присвячено описові специфіки багатовимірних просторів у художніх творах Є. Ебота "Флатландія" та Д. Бюргера "Сферландія". Багатовимірність світів і просторів, особливості їх відображення у літературних творах є предметом цієї статті.

Ключові слова: імовірні світи, багатовимірні простори, художні твори.

Статья затрагивает проблему описания пространственных измерений в художественных произведениях Э. Эбботта "Flatlandia" и Д. Бюргера "Sferlandia". Многомерность миров и измерений, особенности их отображения в литературных произведениях являются предметом настоящей статьи.

Ключевые слова: возможные миры, многомерные пространства, художественные произведения.

The article focuses on the problem of description of multidimensional space in the novels of A. Abbot "Flatland" and D. Burger "Balland". Dimensionality of worlds and dimensions, the peculiarities of their depiction in fiction is the object of this article.

Key Words: possible worlds, multidimensional space, fiction.

Объектом нашего лингвистического исследования является разнообразие взглядов на мироздание в художественных произведениях. Многомерные пространства давно утратили тот ореол таинственности, которым они были некогда окутаны. Четырехмерное евклидово пространство, ближайшего по размерности привычного нам трехмерного пространства, утратило былую экзотичность и стало привычным для современного исследователя. Авторы "Флатландии" и "Сферландии" избрали необычный способ изучения четырехмерного и искривленного расширяющегося пространства.

Современное человечество существует в трехмерном пространстве, что нам знакомо и понятно. Пространство обладает бесконечной протяженностью по всем направлениям, но при этом оно может быть измеряемо только в трех независимых друг от друга направлениях (длина, ширина и высота). Эти направления называются измерениями пространства. Принято считать, что наше пространство трехмерно. На этих же фактах основаны произведения, созданные писателями-реалистами.

Проблемой возможных миров занимались многие русские и зарубежные лингвисты. Родоначальником постановки вопроса о возможных мирах явился языковед Г. В. Лейбниц, утверждавший, что "Божественный разум непременно и извечно содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каков он есть" [3, с. 5]. Г. В. Лейбниц признавал возможность бесчисленного множества непротиворечивых миров [3, с. 304], достаточную обоснованность того факта, что существует именно данный мир, а не какой-либо другой из возможных, что происходит именно данное событие, а не другое. В духе рационализма XVII века Г. В. Лейбниц различал мир умопостигаемый, или мир истинно сущего (метафизическая реальность), и мир чувственный, или только являющийся (феноменальный) физический мир. Исследователь различал *реальный мир* и *физический мир* как феномен познающего объективный мир человека.

Первым из лингвистов, обратившим внимание на существование оппозиции "мир" – "миры" в русском сознании был Ю. С. Степанов [2]. Среди зарубежных исследователей, занимавшихся этой проблемой, нельзя не упомянуть таких теоретиков как Нэнси Трэйл, Томас Павел, Умберто Эко и др.

О существовании возможных миров в художественных текстах упоминает ученый-лингвист А. Д. Шмелев. Существование ряда возможных миров постулируется в художественных произведениях, где художественная фантазия представляется как достоверный факт, и из этого множества можно выделить подмножество миров, которые отличались бы от мира действительности в минимальной степени. С одной стороны читатель знает, что мир, в который вводит его автор, не имеет ничего общего с действительностью, с другой стороны, относится к читаемому не как к сплошному вымыслу или небылице, а как к своего рода действительности.

По мнению А. П. Бабушкина, "Возможные миры – это набор альтернатив, из которых Создатель делает свой выбор. Иные миры возможны, по крайней мере, в том смысле, что они логически состоятельны" [1, с. 5]. Перешагнув границы работ логико-философского направления, данная теория начинает плодотворно применяться в языкознании и литературоведении [1, с. 8].

В типологии возможных миров исследователь А. П. Бабушкин различает следующие их виды: ближайший мир, мир чужих ролей, параллельный мир, мир упущенных возможностей, ирреальный (алогичный) мир, антимир и др. По мнению А. П. Бабушкина, *ближайший мир* примыкает к реальному миру, но не совпадает с ним вследствие выражаемой гипотетичности его реализации. *Ирреальный* – это "иной" мир, мир, построенный на фантазии. Фантазировать – естественная потребность, которая проявляется у человека в самом раннем возрасте и сопровождает его всю жизнь. Фантазия противопоставляется первичному (реальному) миру, ибо ее образы не могут быть обнаружены в действительности: они являются принадлежностью воображения. Воображение – это способность придавать идеальным образованиям ту внутреннюю связь, которая присуща реальности [1, с. 42]. Факты и фантазии присутствуют не только в произведениях особого литературного направления, но и в обычной человеческой речи, когда носители языка преднамеренно обращаются в мыслительную ипостась мира, который живет и действует по законам собственной логики [1, с. 43]. Ирреальный мир А. П. Бабушкин подразделяет на *нереальный*, но земной и *алогичный* мир, который наиболее отдален от реальности и является продуктом индивидуально-творчес-

кой фантазии [1, с. 46]. “*Антимир*” – условное название мира, выделяемое А. П. Бабушкиным [1, с. 75]. Сущность его состоит в том, что вызываемые в сознании воображаемые картины, в которых “свой” мир (реальная действительность) противопоставляется другому миру, и этот другой мир отвергает действительный мир.

Писатели-фантасты способны расширить наше представление о мироздании. Так, Г. Уэллс написал множество рассказов, основанных на использовании тех или иных научных данных. Однако, его произведения менее всего преследуют познавательную цель и чтение их нельзя рассматривать как приобщение к науке. Творения Ж. Верна, в которых читатель также может почерпнуть научные сведения, служат лишь развитию фабулы, а не преследуют высоких целей просвещения.

Наше пространство устроено не так просто, как полагали на протяжении многих веков. Оно искривлено в недоступном нашему непосредственному восприятию направлении и, что еще более странно, расширяется. Представление об искривленном пространстве и расширяющейся Вселенной, по замыслу голландского ученого Диониса Бюргера, можно получить из его романа “Сферландия”.

Трехмерность нашего пространства есть просто геометрическая условность, единицей измерения которой является *прямой угол*. При этом, бесспорным является только один факт: мы не можем представить себе более трех перпендикуляров в силу какого-то таинственного свойства Вселенной, или в силу ограниченности своего умственного аппарата. Исходя из этого, мы определяем *мерность* пространства количеством возможных в нем линий, лежащих под прямым углом одна к другой. Одномерное пространство предполагает, что на линии *другой линии* не может быть. В двумерном пространстве на поверхности возможны только два перпендикуляра.

Множество убедительных математических подробностей двумерного бытия, описанное в причудливой, гротескной литературной форме сделали необычайно популярными произведения Э. Эбботта и Д. Бюргера. Эти произведения учат математике так, как постигают мир дети, – играя. Авторы произведений в увлекательной форме с неизменным юмором вводят читателя в русло важных геометрических идей, таких как связность, кривизна, деформация абстрактные объекты в различных “жизненных” ситуациях.

В романе Э. Эбботта “Флатландия”, написанном в 1880 г., в роли рассказчика выступает Квадрат, мир которого представляет собой двухмерное пространство (все события происходят на плоскости, где есть длина и ширина, но отсутствует высота). В этом литературном произведении речь идет о четырех разных видах пространства: *Лайнландия* – пространство одного измерения (это прямая – Lineland. Линейная страна); *Флатландия* – двухмерное пространство (плоскость, где есть длина и ширина); *Трехмерие* – сфера (длина, ширина и высота); и *страна Четырех измерений*. Кроме этих миров в романе упоминается *страна с числом измерений, равным нулю* (Pointland. Точечная страна. Мир без измерений, житель которого мнит себя единственным существующим, всемогущим богом) и *Циркульландия*.

В привычном нашему восприятию пространстве – три перпендикуляра. Это трехмерное пространство. Трехмерное пространство изображено в произведении Д. Бюргера “Сферландия”, написанном в 1957 г., и рассматривается от лица Шестиугольника. Мир Шестиугольника из романа “Сферландия” устроен гораздо сложнее евклидовой плоскости его деда: этот мир искривлен. Шестиугольник обитает на поверхности огромной сферы, которая к тому же расширяется.

Материальным миром мы называем комбинацию неизвестных причин *определенных рядов ощущений*, зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных, вкусовых, ощущений веса, массы и т. п. Свойством материального мира, или свойством нашего восприятия материального мира является *трехмерное пространство*. Наше пространство является частью высшего пространства, то есть предполагается, что мы знаем, ощущаем и измеряем только часть пространства, ту часть, которая измерима в длину, ширину и высоту.

Идея четвертого измерения возникла из предположения, что кроме трех известных нашей геометрии измерений существует еще четвертое, нам почему-то недоступное и неизвестное. Кроме трех нам известных возможен таинственный четвертый перпендикуляр. Практически это предположение основывается на том соображении, что в мире существует очень много вещей, несомненно *реально существующих*, но совершенно неизмеримых в длину, ширину и высоту.

В романах Э. Эбботта и Д. Бюргера в своеобразной форме излагается понятие четвертого измерения. Квадрат, обитатель Флатландии, рассказывает о тех трудностях, с которыми столкнулся мнимый автор при попытке представить себе третье измерение. По аналогии читатель приходит к пониманию того, что такое четвертое измерение – измерение в направлении, перпендикулярном нашему трехмерному пространству.

Существует точка зрения, что наши знаменитые пять органов чувств – это, в сущности, *щупальца*, которыми мы ощупываем мир вокруг себя. Мы живем на ощупь. *Мы никогда ничего не видим*. Всегда и все только ощупываем. При помощи зрительных труб и телескопов, телеграфов и телефонов мы немного удлиним, так сказать, наши щупальца, но не начинаем *видеть*. Мы не видим и поэтому никогда не можем убедиться в существовании того, чего не можем ощупать. И считаем реально существующим только тот круг, который в данный момент охватывают наши щупальца. За этим кругом – тьма и небытие.

Наша мысль не связана условиями чувственного восприятия. Она может подняться над плоскостью, по которой мы движемся; может увидеть далеко за пределами круга, освещенного нашим обычным сознанием; может увидеть, что *существует* не только та линия, по которой мы движемся, а все линии, перпендикулярные ей, которые мы пересекаем, которые мы когда-либо пересекали и которые будем пересекать. Поднявшись над плоскостью, наша мысль может увидеть плоскость, убедиться, что это действительно плоскость, а не одна линия. Тогда наша мысль может увидеть прошедшее, настоящее и будущее лежащими на одной плоскости.

Четвертое измерение связано со “временем” и с “движением”. Но мы не поймем *четвертого измерения* до тех пор, пока не поймем *пятого измерения*. *Пятое измерение* – это перпендикуляр к плоскости времени, та высота, на которую должно подняться наше сознание, чтобы одновременно увидеть прошедшее, настоящее и будущее.

Если мы на секунду отрешимся от идеи трехмерности пространства и возьмем его только как *нечто*, находящееся в известном отношении ко времени, то мы увидим, что пространство можно рассматривать как линию, уходящую в бесконечность по направлению, перпендикулярному к линии времени. Время по своим свойствам *тождественно с пространством*, как тождественны две линии, лежащие на плоскости. То есть это значит, что как в пространстве не могут внезапно вырастать, а должны существовать заранее вещи, которые мы вдруг видим, так и во времени “события” существуют, прежде чем к ним прикоснулось наше сознание, и они остаются существовать после того, как мы от них отошли. Следовательно, *протяженность во времени* есть протяженность по неизвестному *пространству*, а не только расстояние, отделяющее одно от другого события.

Таким образом, пространство можно рассматривать как второе измерение времени, а время – как второе измерение пространства. Но так как мы только условно взяли пространство как линию и так как мы знаем, что пространство имеет три измерения, то, следовательно, *время является четвертым измерением пространства*.

Рассмотренные нами произведения Э. Эбботта “Флатландия” и Д. Бюргера “Сферландия”, являются уникальным явлением в литературе, т. к. авторы рассмотренных произведений предлагают читателям *альтернативные реальности* (мир 2-ой плотности – ниже нашего и 4-ой плотности – выше по развитию и устройству реальность), создают бесконечное множество новых миров, законы которых можно постичь, хотя нога человека никогда не оставит на них следа. Написанные в разное время, различными авторами и разных языках, романы объединены не только преемственностью тематики, но и “родственными узами” героев, от лица которых ведется повествование.

Література:

1. Бабушкин А. П. “Возможные миры” в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – 86 с.
2. Степанов Ю. С. Пространство и миры – новый, “воображаемый”, “ментальный”, и прочие // Философия языка : в границах и вне границ. Международная серия монографий. – Харьков : Око, 1994. – Т. 2. – С. 3-18.
3. Философский энциклопедический словарь / Редкол. : С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия. 1989. – 815 с.